

Нуминозность как терапевтический фактор: движение от симптома к символу

Кузнецова О.В.*

Академия интегральной психодинамической психотерапии, Москва, Россия.

Аннотация

В статье исследуется символ как ключевой медиатор между симптомом и бессознательными процессами в аналитической психотерапии. Симптом рассматривается не только как проявление психопатологии, но и как символическое выражение внутриличностного конфликта и травматического опыта. Анализируется многослойная природа символа, его связь с архетипическими и культурными образами, а также роль в перераспределении психической энергии, аккумулированной в симптомах и комплексах. Рассматриваются процесс символизации и метод амплификации как инструменты раскрытия бессознательных смыслов и интеграции личности. На примере иллюстративной клинической виньетки с мифологической амплификацией демонстрируется, как переживание символа активизирует процессы трансформации и индивидуации, способствуя психическому развитию и восстановлению целостности личности.

Ключевые слова: символ, симптом, мифологическая амплификация, индивидуация.

Получено: 30 декабря 2025 г.
Принято: 22 января 2026 г.
Опубликовано: 1 марта 2026 г..

Для цитирования:
Кузнецова ОВ. Нуминозность как терапевтический фактор: движение от симптома к символу. *Psychotherapy Science Today*. 2(2):47-51.
<https://doi.org/10.64435/ftcs7951>

© Автор(ы), CC BY-NC 4.0

Символ сам по себе является мостом или связью между нами и тайной существования, но, помимо этого, он отображает эту связь через образы, в которых он представлен.
Д. Калшед

С позиции глубинной психологии симптом представляет собой символически организованную форму психической адаптации, посредством которой бессознательные конфликты, травматические переживания и дефициты развития получают выражение и временную стабилизацию в структуре личности. Он выступает как компромиссное решение между сознанием и бессознательным, между инстинктивными потребностями индивида и психологическими и экзистенциальными потребностями личности [1, 2].

Как правило, симптомы продуцируются эмоционально заряженными группами идей (или комплексами), источник которых находится в глубинных слоях бессознательного. Некоторые комплексы приобретают автономный характер и выражаются через телесные функциональные нарушения, которые в клиническом плане проявляются как психосоматические расстройства или неврозы.

В конце XIX века Зигмунд Фрейд и Йозеф Брейер предположили, что невротические симптомы (истерия, некоторые виды боли и т.п.) несут в себе символическое значение. Так же,

как и сновидения, такие симптомы являются одной из форм выражения бессознательных психических процессов и содержат определённую символическую нагрузку [3]. Так, пациент, столкнувшись с психологически непереносимой ситуацией (с тем, что невозможно «переварить»), может развить симптом со стороны желудочно-кишечного тракта; а у пациента, отягощённого грузом ответственности, вероятно появление болей в спине и т.п. Таким образом, симптом может иметь символическое значение, представляя собой частный случай проявления символа. В этом случае аналитическая работа с символическим смыслом симптома позволяет исцелить внутренний конфликт, травматические переживания или другие психические противоречия, породившие симптом. Во многих этносах и культурах существовали древние целительские практики, включающие анализ символики симптомов. Примером такой традиции могут служить древнегреческие асклепионы — храмы, посвящённые Асклепию. Чтобы глубже понять исцеляющий механизм работы с символами в психотерапевтической практике, рассмотрим природу символов.

* E-mail: kseniko@mail.ru.

Символы представляют собой уникальные многоуровневые структуры, связующие видимое и невидимое. Это понятие имеет ключевое значение для выражения идей и реалий, не всегда поддающихся словесному описанию. Этимология этого термина раскрывает его объединяющую природу (символ — «соединённое» и «соединяющее»).

Символ — «наилучшее из возможных выражение или изображение чего-либо неизвестного» [4]. В искусстве, философии, психотерапии были предприняты многочисленные попытки осмысления самого понятия символа. Как самостоятельная эстетическая категория, символ стал рассматриваться в конце XVIII в. Так, И. В. Гёте и К. Ф. Мориц отмечали, что символ необходимо отличать от образа, знака и аллегории. А Г. Гегель вернулся к понятию символа в качестве знака или образа, обладающего значением. Различные идеи объяснения природы символа разрабатывались в трудах Шеллинга, Кассирера, Фрейда, Юнга, Гадamera, Лангер и многих других авторов [5, 6].

К. Г. Юнг различает «естественные» символы и символы, привнесённые культурой. О происхождении первых он пишет, что они представляют собой бесконечные вариации основных архетипических образов (их развитие можно проследить, обращаясь к наследию древнейших культур) [3, 7]. Эти архетипические образы мы можем встретить, разглядывая наскальную живопись древних людей, египетское иероглифическое письмо или шумерскую клинопись. Символы, привнесённые культурой («культурные символы») претерпели многочисленные метаморфозы и стали коллективными образами, частью общечеловеческой культуры. Созерцая эти образы, человек нередко встречается с нуминозным, испытывая сильнейший эмоциональный резонанс. Культурные символы по-прежнему могут нести в себе архаическое начало, «божественное», «сакральное».

Юнг отмечает, что современный человек оказался в плену своего рационализма, который нарушил его способность воспринимать божественные символы и идеи, *«отдал его на милость психической преисподней»; «...моральная и духовная традиция распалась..., что привело к дезориентации и разобщённости»* [3]. Контакт современного человека с природой оказался прерван, что повлекло за собой исчезновение глубинной эмоциональной (психической) энергии, которую давала эта связь.

Процесс символизации связан с поиском смысла и может стать ценным инструментом для глубокого понимания как внутриличностных, так и межличностных процессов, своего рода ключом для более глубокого осмысления реальности.

Когда мы хотим понять символ, мы движемся от его внешнего проявления к внутреннему значению. Каждое символическое выражение может открывать доступ к новым уровням понимания, что делает символы неисчерпаемыми в своих значениях. Символы представляют собой мост между материальным и духовным, индивидуальным и коллективным, позволяют нам осмысливать и интерпретировать наши переживания и идеи.

В аналитической работе это движение от внешних аспектов символа к поиску неочевидного на первый взгляд внутреннего смысла становится особенно ценным. Анализ развивает способность находить эту «невидимую» и неочевидную на первый взгляд реальность за видимой оболочкой. Природа символов — многозначна и неисчерпаема. Любой символ может быть интерпретирован в разных контекстах, являя новые грани смысла.

Первостепенной задачей аналитической работы является понимание, «расшифровка» символического послания, содержащегося в симптоме. В случаях распознавания и принятия символического смысла симптома выражаемый им конфликтный материал выводится на уровень сознания. Этот процесс связан с перераспределением психической энергии, ранее аккумулированной в комплексах, проявляющих себя через симптомы. Тогда символы могут играть роль своего рода «энергетических трансформаторов», с помощью которых психическая энергия, ранее связанная в симптомах, может быть интегрирована в жизнь. Движение от симптома к символу представляет собой важную часть психотерапевтической (аналитической) динамики [8–10].

Аналитическая работа — не только процесс толкования и интерпретации символического материала, но и исследование смыслов, связанных с чувствами и эмоциями, травмами и переживаниями, индивидуальным опытом и коллективной памятью. В терапевтическом контексте символы обогащают восприятие действительности. Символизировать — означает искать смысл, стоящий за конкретной ситуацией. Эта поисковая, символизирующая функция психики проявляется не только в симптомах и сновидениях, но и в самом терапевтическом процессе. Поэтому аналитику крайне важно замечать символические послания. Что говорит о внутриличностном конфликте пациента его рассказ о том, что он видел по дороге на сессию, что символизировало опоздания, или, наоборот, желание начать сессию на несколько минут раньше? Какие процессы разворачиваются в душе пациента, когда терапевт объявляет ему о грядущем отпуске? Что символизируется, повторяется, разыгрывается, возможно, спустя много лет?

Чтобы узнать больше о кататимно-имажинативной психотерапии, перейдите по ссылке: <https://aipp.education/articles/simboldrama>

Иллюстративная клиническая виньетка на основе реального случая терапии пациента со страхом публичных выступлений

Анамнез и симптоматика

Пациент С., 35 лет, менеджер, обратился в терапию с запросом на преодоление инвалидирующего страха публичных выступлений, который блокировал его профессиональное продвижение. Симптом, проявлявшийся соматически (тремор, гипергидроз, мышечный блок) и когнитивно (идеи самоуничтожения), впервые кристаллизовался в подростковом возрасте в ситуации систематической публичной критики со стороны преподавателя. Несмотря на академические успехи, у пациента сформировалась устойчивая ассоциация между актом самопредъявления перед аудиторией и экзистенциальным риском уничтожения.

Динамика символов и терапевтический процесс

Посредством применения кататимно-имажинативной терапии (символдрамы)* пациенту было предложено представить страх в виде любого образа, который будет рисовать его воображение. Симптом был персонифицирован в спонтанном образе гротескной «Великанши»**, доминирующей над пространством и вызывающей у пациента состояние регрессивного детского ужаса. В имажинации пациент представил себя в виде маленького мальчика 5–6 лет. «Великанша» была констеллирована фигурой авторитарной бабушки и связана с вытесненным детским эпизодом унижительного принуждения к выступлению. Первоначальная интерпретация позволила связать актуальный страх с личной историей, деконструируя проекции на фигуры начальства.

Перелом в терапии наступил на этапе архетипической амплификации данного образа. Вместо дальнейшего анализа личной травмы, терапевтический фокус был смещён на исследование «Великанши» как носителя универсального мифологического мотива. Через обращение к кросс-культурной мифологии Пожирающей Матери (Кали, Бабы-Яги) пациенту было предложено рассмотреть свой образ в контексте архетипического столкновения с нуминозным.

В ходе направленной имажинации пациент вступил в диалог с образом. Он нашёл в себе силы посмотреть на «Великаншу», преодолевая свой страх. Постепенно образ маленького мальчика менялся, и пациент начал ощущать себя в имажинации уже в своём настоящем возрасте. Внезапно, в процессе этого взаимодействия, визуальная репрезентация «Великанши» претерпела спонтанную трансформацию: её устрашающие черты смягчились, а в руках вместо угрожающего жеста появилась связка ключей. Они были выкованы из металла, и на некоторых ключах были видны древние письмена.

Пациент сообщил о мощном, амбивалентном переживании: всепоглощающий страх сменился глубоким, почти священным трепетом. Он описал это как встречу не с персональным преследователем, а с древней, безличной силой, которая «не столько хочет уничтожить, сколько охраняет какую-то древнюю тайну, а теперь способна и дать доступ к этой тайне».

Появление ключей указывает на амбивалентную природу архетипа Матери: одновременно разрушительную и созидательную, пожирающую и рождательную. Этот момент был описан пациентом как наиболее значимый и энергетически заряженный за всю терапию — классическое проявление нуминозного опыта.

Интеграция и трансформация

Последующая аналитическая работа была посвящена интеграции этого переживания. Ключи были интерпретированы как дар «Великанши», которая уже не казалась столь угрожающей и пугающей пациента. И эти ключи символизировали новые возможности пациента — как указание на то, что энергия, ранее связанная в травматическом симптоме и негативном материнском комплексе, высвобождается для процесса индивидуации. Пациент начал спонтанно

* Кататимно-имажинативная психотерапия (символдрама) — это глубинно-ориентированный психотерапевтический подход, разработанный немецким психотерапевтом Ханскарлом Лейнером в 1950-х годах на основе идей психоанализа и юнгианской психологии, в котором бессознательный материал проявляется и перерабатывается через направленную работу с образами и символами в состоянии кататимного воображения.

** Американский психоаналитик Бруно Беттельхейм в работе «О пользе волшебства. Смысл и значение волшебных сказок» предполагает, что именно так, в виде великанов маленькие дети видят и воспринимают своих родителей. Во многих сказочных сюжетах дети побеждают великанов, становятся способными их перехитрить и завладеть их ресурсами (т.е., вырасти, стать большими, взрослыми).

использовать метафору ключей, открывающих новые двери, как метафору презентации новых проектов и разрешения себе говорить ясно, чётко, красиво. Метафора ключей появлялась на протяжении терапии несколько раз: ключ, которым можно что-то закрыть (отказаться от негативных паттернов и поведенческих программ), ключ, открывающий новые возможности, и ключ как ресурс (ключ, как бьющий из земли источник).

Катамнез

По завершении курса терапии пациент не только успешно справлялся с рабочими презентациями, но и добровольно вовлёкся в деятельность, требующую публичной речи. Он сообщил, что выступления перестали быть для него полем битвы, где он — жертва, и стали «местом встречи» и обмена. Терапевтический процесс завершился не просто редукцией симптома, но смещением жизненной позиции от защитной к проактивной.

Аналитический комментарий: работа с символом, интервенции и акценты

Представленный случай демонстрирует эволюцию терапевтической работы от уровня личного бессознательного (травма) к уровню коллективного бессознательного (архетип), где становится возможным подлинное символическое переживание. Можно выделить ключевые интервенции, сдвинувшие процесс в эту плоскость:

Переход от анализа образа к амплификации символа. Как указывал К.Г. Юнг, символ не является знаком, обозначающим нечто известное (как образ травмы), а является «наилучшим возможным выражением чего-то ещё непознанного» (архетипа). Амплификация «расширяет» личный материал до общечеловеческого, создавая почву для нуминозного переживания.

- Символ ключей как дар указывает на активизацию процесса индивидуации, где психическая энергия реканализируется из обслуживания комплекса (страха) в служение целостности личности. Амбивалентность нуминозного переживания подчёркивает трансцендентную функцию символа как посредника между противоположностями.
- Нуминозное переживание («ужас, смешанный с ощущением священного») — краеугольный камень преобразующего опыта. Оно обладает собственной исцеляющей силой, так как непосредственно связывает Эго с энергией архетипа.
- Интеграция через «живую» метафору: связка ключей, которыми можно открывать двери новых возможностей. Это соответствует юнгианскому пониманию символа как энергетического трансформатора. Символ не просто означает что-то; он делает что-то в психике — перераспределяет энергию. Пациент начал использовать энергию, ранее заблокированную в страхе, для творческого самовыражения, что и является целью аналитического процесса: не адаптация через подавление, а трансформация через интеграцию.

Таким образом, терапевтическая эффективность в этом случае была достигнута не благодаря проработке травмы (хотя это была необходимая основа), а благодаря сознательному фокусу на символе. Терапевт создал условия для того, чтобы личный образ, пройдя через амплификацию, открылся как окно в коллективное бессознательное, позволив пациенту испытать нуминозное переживание. Именно этот опыт, а не когнитивное понимание, стал катализатором глубинной переориентации психики от паттернов прошлого (травма) к потенциалу будущего (индивидуация).

Работа с символическим материалом результативна в том случае, когда символы не только становятся осмысленными, но и проживаются в эмоциональном плане [9]. Мария-Луиза фон Франц рассматривала архетипические переживания как центральный исцеляющий фактор в психотерапии. Вслед за Юнгом она отмечает, что если аналитик не стремится к распознаванию в сновидениях архетипического содержания, он, с одной стороны, не замечает глубины, а с другой стороны — упускает потрясающую возможность, так как, по Юнгу, «архетипические переживания посылают

нам бессознательное, и тогда они являются проявлениями благодати»; архетипические переживания «...нельзя вызвать искусственно» [10].

Живая энергия, исцеляющая сила и архаическая мощь символа высвобождаются лишь при его целостном чувственно-эмоциональном переживании. «Символы — это категории «сгущения»: символ «связывает» в себе целый ряд ассоциаций, но в связи с потребностью в определённости это вызывает у нас раздражение, а в связи с потребностью в тайне и наполненности смыслом это переживается как сокровище» [9].

Метод амплификации* — один из ключевых инструментов в юнгианской психологии, позволяющий углубить понимание личных симптомов, связывая их с архетипическими фигурами и мифологическими сюжетами. Прикосновение к этому материалу даёт возможность выявить глубинные психологические паттерны, а также осознать их универсальный смысл. Определение соответствующего мифа — первый шаг на этом пути. Следующий этап включает в себя осознание и интерпретацию архетипического ядра символического смысла, лежащего в основе как симптома, так и мифа. Оно объединяет индивидуальные переживания и архетипические мотивы, а также становится основой для понимания симптома и его корней. Завершающий этап этой работы — возвращение и применение найденного, осознанного смысла в жизни индивида, что способствует интеграции различных аспектов личности, а также является необходимым условием для достижения целостности.

Через аналитическую работу с символическим материалом проявляются не только актуальные трудности и внутренние препятствия, возникающие на пути, но и становятся видны перспективы и возможности развития. Символ разворачивает психику в направлении будущего, как в терапевтическом процессе, так и в реальной жизни. Через символическое раскрывается процесс индивидуации. «Символ остаётся вечным вызовом нашим мыслям и чувствам. Возможно, этим объясняется столь стимулирующий характер символической работы, почему она захватывает нас столь интенсивно» [7].

Таким образом, переход от симптома к символу в аналитической работе открывает путь к полному исцелению, позволяя не просто устранить проявление конфликта, а интегрировать его энергию в целостную структуру личности. Символ, будучи живым и многогранным, способствует восстановлению связи субъекта с архетипическими и глубинными слоями психики, преодолевая разрыв, вызванный чрезмерным рационализмом. Через эмоциональное проживание и амплификацию символического материала пациент обретает не только понимание своих внутренних процессов, но и ориентацию на будущее, раскрывая потенциал индивидуации. В этом отношении символ остаётся вечным источником смысла и трансформации, напоминая, что за каждым симптомом скрывается импульс для движения к целостности и интеграции личности.

Список литературы

1. Roesler C. Theoretical foundations of analytical psychology: recent developments and controversies. *J Anal Psychol.* 2019;64(5):669–81. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12540>.
2. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. М.: Когито-Центр; 2015.
3. Юнг КГ. Человек и его символы. М.: АСТ; 2020.
4. Araujo S. The symbol theory in S. Freud, C.G. Jung and C.S. Peirce. *Int J Jungian Stud.* 2017;9(2):92–105.
5. Зеленский ВВ. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр; 2008.
6. Jones R. Dialectics of sign and symbol and the utterance of archetype theory. *J Anal Psychol.* 2023;68(4):1–19. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12942>.
7. Юнг КГ. Архетип и символ. М.: Ренессанс; 1991.
8. Regovec M. *Cogito Alchymicum*. Zurich: Spring Journal Books; 2025.
9. Каст В. Динамика символов: основы юнгианской психотерапии. М.: Центр гуманитарных инициатив; 2020.
10. фон Франц МЛ. Кошка: сказка об освобождении феминности. М.: Класс; 2007.

* Мифологическая амплификация — это уточнение и прояснение отдельных образов в сновидениях и продуктах изобразительного творчества (рисунки, живопись, скульптура, «игра в песок» и т. д.) с помощью прямой ассоциации и в соответствии с данными гуманитарных дисциплин (символогии, мифологией, мистицизмом, фольклором, историей религии, этнологией и т.д.) [4].